С.Я. Долинина, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kafedra_rio@mail.ru

«... ПРИШЕЛ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, УМЕН И ГОРЯЧ...»

Автор анализирует полемический подтекст рецензии Чернышевского на первые произведения Л. Толстого. Рассматриваются тактические и стратегические цели редакционной политики, которые реализовывал редактор посредством этой статьи.

Ключевые слова: *дискурс рецензии, редакционная политика, репутация редактора и журнала.*

The author analyzes the polemic subtext of Chernishevskiy's review on L. Tolstoy's first works. The review helped Chernishevskiy to carry out his tactical and strategy purposes of the editorial policy. They are being considered here.

Key words: *discourse of the editorial staff, the editorial policy, reputation of the magazine and editorial staff.*

Статья Чернышевского о первых произведениях Л. Толстого «Детство и отрочество. Военные рассказы» уже более полутора веков связывает в сознании читателей два этих имени, поскольку констатирует важнейшие художественные достижения и открытия, принадлежащие Толстому. И мы привыкли смотреть на нее как на выражение аналитического таланта Чернышевского: как только приходится обращаться к психологизму Толстого, тут же в уме возникает чеканная формула Чернышевского — «диалектика души»[1], как только речь заходит об этическом максимализме писателя Толстого, тут же вспоминается характеристика — «чистота нравственного чувства»[2] — критика Чернышевского. Между тем упускается из виду, что эта рецензия была написана Чернышевским в то время, когда он выполнял функции редактора «Современника» в отсутствие Некрасова, находившегося почти в течение года за границей. Задача данной работы — посмотреть на статью Чернышевского под иным углом зрения, имея в виду не только то, *что сказалось,* но и *каким образом сказалось*, а также проанализировать редакционную политику, осуществляемую новым лидером «Современника». Речь пойдет не столько об идейной борьбе в журнале (о чем, как известно, написано немало), сколько о дискурсе названной публикации, о тех прагматических, социологических, психологических и

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1947. — Т. 3. — С. 423. В дальнейшем будет цитироваться это издание с указанием тома и страницы.

[2] Там же. — С. 427.

иных факторах, сопутствовавших целенаправленной стратегии Чернышевского-редактора. В этом аспекте анализируемая статья олицетворяет типические и поучительные стороны редакционной борьбы за влияние на авторов журнала.

Прежде небольшое отступление, которое послужит отправной точкой для последующих рассуждений. В конце XIX в. Чехов, отзываясь в письме Я.С. Мерперту (лектор по русской литературе в Париже. — *С.Д.*) на присланную тем статью о Достоевском, писал: «В указаниях времени я держался бы иного приема. “В 1839 г.” — это мало говорит французу, и вместо этого, пожалуй, лучше было бы так “Когда Д[остоевско]му было 20... лет”...в царствование Белинского и Пушкина (последний ведь имел на него громадное, подавляющее влияние). И вот эти имена — Белинский, Некрасов, по-моему, более выразительны, как даты, чем цифры, которые обыкновенно туго воспринимаются... и остаются немыми»[3].

Восприятие литераторского имени как вехи, фиксирующей воздействие писателя на сознание современников, и позволило вынести в название данной работы цитату из дневниковой записи Толстого о беседе с Чернышевским 11 января 1857 г.[4]

Начнем с того, что статья о Толстом отражает борьбу Чернышевского за положение ведущего критика и за власть в редакции «Современника». «И ведь престранная судьба г-на Чернышевского в русской литературе! Все из кожи вон лезут убедить всех и каждого, что... в нем ничего, ровно ничего нет... Вдруг г-н Чернышевский выходит, например, с чем-нибудь вроде «полемических красот»... “Отечественные записки” после этих красот поместили в одной своей книжке чуть ли не шесть статей разом единственно о господине Чернышевском... Странная, действительно странная судьба этого странного писателя!»[5] — иронически заявлял Достоевский в 1861 г. о репутации Чернышевского, т.е. тогда, когда тот достиг максимальной силы и влияния в журналистике. Характерно, что Достоевский озвучил мнение о Чернышевском, укоренившееся и в самом «Современнике» с середины 1850-х гг. Тогда молодой сотрудник стремительно вошел в журнал и вытеснил его ведущего критика Дружинина. Писательское окружение «Современника», кроме Некрасова-редактора отказывало Чернышевскому в художественном вкусе и таланте. Ему не могли не быть известны те уничижительные оценки, которыми награждали редактора в писательской среде. Высказывание Анненкова выглядело среди них

[3] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М., 1979. — Письма Т. 7. — С. 315. В дальнейшем будет цитироваться это издание с указанием тома и страницы.

[4] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. — М.; Л., 1937. — Т. 47. — С. 110. В дальнейшем будет цитироваться это издание с указанием тома и страницы.

[5] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л., 1979. — Т. 19. — С. 177.

в своем роде комплиментарно: «Он обладает хорошенькой женой, и это единственное изящество, которое, кажется, он понимает в свете»[6].

Толстой разделял общее мнение о Чернышевском, испытывая к нему «озлобление адское» и не чувствуя «доверия ни на грош» [Труды Публичной библиотеки, 1934, с. 72]. Он выразил свое отношение к новоявленному редактору в письме Некрасову, который, уезжая за границу, передал Чернышевскому свой голос в редакции, предоставил ему значительные полномочия руководителя журнала, сохранявшиеся за ним до самого ареста. Толстой высказал резкое неприятие обличительного направления в литературе, утверждаемого Чернышевским, и уличал его в лести Некрасову-поэту[7].

Как поступает Чернышевский, возглавляя в отсутствие Некрасова редакцию? Он, как сказали бы сегодня, в статье о Толстом дал мастер-класс всем своим оппонентам, используя их же территорию и оружие, т.е. анализируя только художественные аспекты произведений. При этом Чернышевский отнюдь не скрывал, что для него «эстетические вопросы были... по преимуществу только полем битвы, а предметом борьбы было влияние вообще (выделено мной. — *С.Д.*) на умственную жизнь»[8]. Масштаб притязаний Чернышевского обозначился вполне, и к нему еще предстоит вернуться.

Объектом приложения своих редакторских сил Чернышевский избрал произведения Толстого не случайно. Как известно, в «Современнике» шла жесткая борьба за влияние на Толстого как самого талантливого и многообещающего писателя: «На днях приедет Толстой и привезет “Юность” для первого № “Современника”. Я побываю у него, не знаю, успею ли получить над ним некоторую власть, — а это было бы хорошо и для него, и для “Современника”», — писал Чернышевский Некрасову в период создания статьи 5 ноября 1856 г.[9] «Завоевание» Толстого развернулось на страницах первой статьи и было продолжено во время визита Чернышевского 11 января 1857 г., уже после выхода журнала с рецензией на произведения писателя. Понятно, что в отсутствие Некрасова визит Чернышевского к Толстому был посещением не просто критика, а руководителя журнала, продумывающего концепцию издания. В письме Некрасову, написанном 5 декабря 1856 г., Чернышевский отметил, что он заранее убежден: Толстому его статья не может не понравиться, притом что и против истины он не погрешил.

Не раз отмечалось, что эта статья «очень необычна, не похожа на другие рецензии Чернышевского усиленным вниманием автора

---

[6] Тургенев и круг «Современника». — М., 1930. — С. 296.

[7] См.: *Толстой Л. Н.* Т. 60. — С. 74—75.

[8] *Чернышевский Н. Г.* Т. 3. — С. 25.

[9] Там же. — Т. 14. — С. 328.

к художественной стороне творчества писателя» [Егоров, 1962, с. 314—315]. Это, конечно, верно, но сказать так — мало. Она — одна из самых насыщенных «ассоциативной литературностью» работ, т.е. отмеченная обилием цитат, литературных имен, аллюзий и т.п. [Лихачев, 1981, с. 179]. Концентрация литературного материала в статье такого небольшого объема очень высока. Вот простое последовательное перечисление имен и названий, вошедших в рецензию: Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Тютчев, Петр Великий, Вальтер Скотт, Диккенс, «Миргород», «Ревизор», «Записки охотника», «Дубровский», «Герой нашего времени», «Гамлет», «Фауст» Гёте и Тургенева, «Дон Карлос», Корделия, Джульетта, Дездемона, «Индиана», «Рудин», «Илиада», «Макбет», «Каменный гость», «Евгений Онегин», «Медный всадник». Этот перечень неполон, так как в него не вошли не обозначенные в заглавии статьи и другие произведения самого Толстого, а также имена и названия, ушедшие в подтекст.

До статьи Чернышевского ни в одной работе, посвященной Толстому, творчество писателя не рассматривалось в таком широчайшем литературном контексте. У Чернышевского Толстой оказался в окружении не столько своих ближайших современников — как, например, в статье Анненкова [Анненков, 1885, с. 1—26]: среди Гончарова, Григоровича, Писемского, Тургенева, — сколько был поставлен автором как равный в общий ряд тех, кто уже считался русскими классиками. Чернышевский, конечно, помнил, что и в статьях других литераторов первые повести Толстого сопоставлялись с произведениями Пушкина и Гоголя, но это были или поверхностные упоминания, или сравнения делались не в пользу Толстого[10]. Попытки что-то «нащупать» в произведениях Толстого предпринимались, но, как говорится, это было хождение вокруг да около. Чернышевский же сразу начинает свою статью с полемического выпада в адрес тех, кто писал о Толстом прежде него и кто в то же время противостоял его концепции журнала. Он дискредитирует своих оппонентов, как редактор отмечая в их суждениях о Толстом общие места и неконкретность высказываний: «...повторить то же самое (трюизмы. — *С.Д.*) о графе Толстом еще не значит уловить отличительную физиономию его таланта»[11]. Чернышевский сумел сформулировать свои выводы с такой терминологической определенностью и точностью, которые свидетельствуют о том, что только сейчас, в статье редактора «Современника», про-

[10] См.: *Дружинин А. В.* Метель. Два гусара. Повести графа Л. Н. Толстого // Библиотека для чтения. — 1856. — № 9. Отд. VI. — С. 16—25; *Дудышкин С. С.* Военные рассказы графа Л. Н. Толстого. Детство и отрочество. Сочинения графа Л.Н. Толстого // Отечественные записки. — 1856. — № 11. Отд. III. — С. 1—26.

[11] *Чернышевский Н. Г.* Т. 3. — С. 421.

деланный анализ достоин таланта автора. Кроме того, он первым закрепил связь творчества молодого писателя с великой литературной традицией Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Надо отрешиться от сегодняшней магии имени Толстого и вспомнить, что к 1856 г. им написаны (если взять только двадцатитомное собрание сочинений) лишь первые два тома и нет еще ни одного из великих романов, а Чернышевский, кстати его ровесник, пишет о нем «через запятую» с Шекспиром. И самое удивительное: такая оценка окажется абсолютно верной с точки зрения вечности [Есин, 1982, с. 171]. «Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого, — завершает победоносно Чернышевский статью о Толстом. — Мы предсказываем (выделено мной. — *С.Д.*), что все, данное доныне графом Толстым нашей литературе, только залоги того, что совершит он впоследствии; но как богаты и прекрасны эти залоги!»[12].

Вчитаемся в иной ряд имен и названий, к которым обращается Чернышевский. Он анализирует отражение внутреннего мира героев Толстого и указывает на «знаменитые... рефлексии»[13] Гамлета; отмечает «чистоту нравственного чувства» и напоминает, как «облагораживается все существо»[14] читателя присутствием таких героинь, как Корделия, Офелия, Дездемона. Наконец, определяет еще одну характерную черту произведений Толстого — единство их художественного мира — и советует критикам, не оценившим этого качества, не искать «в “Илиаде” — Макбета»[15].

Если обилие литературных имен и названий в статье очевидно, то настойчивое намеренное «соседство» Толстого с Шекспиром не столь явно, хотя произведений последнего в статье названо больше, чем чьих-либо, больше пушкинских. Сближение не столь очевидно потому, что имя Шекспира не названо и оказалось как бы в тени имен его героев.

Чем был вызван столь неожиданный «ход» со стороны редактора? Для Чернышевского, борющегося за личную репутацию, обращение к шекспировским произведениям — возможность продемонстрировать идейным противникам в редакции свои способности глубокого аналитика на образцах, выше которых в художественном выражении, пожалуй, ничего не было в мировой литературе. (Кстати, в том же номере журнала напечатал свой перевод «Короля Лира» Дружинин, намеревавшийся собрать все писательские силы против Чернышевского, в то же время Шекспира переводит Фет, а Боткин переводит статью о великом драматурге.)

---

[12] Там же. — Т. 3. — С. 431.
[13] Там же. — С. 425—426.
[14] Там же. — С. 428.
[15] Там же. — С. 430.

Вместе с тем Чернышевский решал и другую задачу, им же поставленную, — получить редакторскую власть над Толстым, как известно находившимся какое-то время под влиянием эстетических взглядов Дружинина, основного идейного оппонента главы «Современника». Чернышевский избирает ту же тактику, о которой он писал Некрасову в отношении Дружинина: хвалить своего антагониста при всяком удобном случае[16].

Толстой для руководителя журнала — писатель из чужого лагеря. И неприязнь их была взаимной и равновеликой[17]. Чернышевский же так естественно и просто ставит рядом с сочинениями Толстого произведения Шекспира, что непосвященный вряд ли заметит в этом изощренный полемический прием, подтекст, а скорее увидит лишь буквальное сопоставление художественных особенностей первых повестей 28-летнего русского писателя и пьес английского драматурга, имя которого, правда, олицетворяло уже мировую славу.

Необходимо вспомнить, что молодого Толстого в эпоху его сотрудничества в «Современнике» не раздражал, пожалуй, никто более как Шекспир. В редакции были общеизвестны и широко комментировались шокирующие, с писательской точки зрения, толстовские оценки Шекспира. (Забегая вперед, укажем, что в конце жизни Толстой тоже будет использовать в полемических целях имя Шекспира. В разговоре с Чеховым он заявит, что терпеть не может шекспировских пьес, а чеховские еще хуже[18]. Вряд ли Толстой предполагал, делая такое сравнение, что выдает патент на бессмертие драматургии Чехова.) А если привести все высказывания Толстого о Шекспире 1850-х — начала 1860-х гг., то станет очевидным, что обвинительный приговор драматургу, вынесенный Толстым в конце жизни в статье «О Шекспире и о драме», по сути уже полностью сложился в начале его творческого пути.

Толстой был совершенно точен, когда писал Стасову в 1903 г., во время работы над статьей о Шекспире: «...мне нужно было высказать то, что сидело во мне полстолетия»[19]. Приведем лишь два высказывания писателя о Шекспире. В дневнике 12 января 1857 г. (на следующий день после визита Чернышевского к нему) Толстой так определяет сюжет задуманной им сатирической комедии под названием «Свободная любовь»: «Практический человек, Жорж-Зандовская женщина и Гамлет нашего века — вопиющий больной протест против всего, но безличие»[20].

---

[16] *Чернышевский Н. Г.* Т. 14. С. 327—328; 316—317.

[17] Там же. — С. 332—334; 341.

[18] Л. Н. Толстой и А. П.Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... / Сост. А.С. Мелкова. — М., 1998. — С. 264

[19] *Толстой Л. Н.* Т. 74. — С. 202.

[20] Там же. — Т. 47. — С. 111.

Эта дневниковая запись требует комментария. В русской литературе середины XIX в. понятие «практические люди» и «современные», «новые люди» были синонимичными. «Новые люди» — таков вариант названия еще одной комедии, задуманной Толстым и направленной против романа «Что делать?» с подзаголовком «Из записок о новых людях». И хотя Чернышевский сам подчеркнуто называл себя практическим человеком (например, в статье «Русский человек на rendez-vous»), в дневниковой записи Толстого речь идет не о главе «Современника» конкретно, а о типическом образе нигилиста.

А теперь цитата из толстовской статьи 1904 г.: «*...содежание пьес Шекспира есть самое низменное пошлое миросозерцание*»[21]. Напомню общие выводы, к которым приходит писатель в статье «О Шекспире и о драме». С точки зрения Толстого, Шекспир дал развитию драмы «ложное» направление, узаконив светское содержание пьес. Единственным мировоззрением, которое может служить «побудительной причиной сочинения драмы»[22], является, по Толстому, религиозное мировоззрение. Он не признает за Шекспиром всемирной славы и отказывает ему в моральном оправдании творчества, потому что «драмы его... соответствовали... арелигиозному и безнравственному настроению людей высшего сословия нашего мира»[23]. Таким образом, для Толстого на протяжении всей жизни имя Шекспира ассоциировалось с «холодным талантом», «восхваляемым за безрелигиозность»[24]. Позиция Толстого обозначена: с середины XIX в. имя Шекспира перестает быть исключительно «эстетическим вопросом» — оно связывается с борьбой мировосприятий.

Обратимся к точке зрения Чернышевского. В шестом номере «Современника» за 1860 г. он публикует рецензию на книгу Ор. Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований», в которой пишет: «Светская наука также развивается между специалистами с замечательной быстротою, а громадное большинство населения остается до сих пор повсюду в невежестве», и далее: «...очень немногие английские поэты прошлого века понимали Шекспира... а большинство английской публики» находилось на «степени поэтического развития несравненно низшей, чем шекспировская натуральность», т.е. шекспировский материализм[25].

В этой рецензии Чернышевский прозрачно намекает на свои атеистические убеждения, ставя в один ряд светскую науку и Шек-

---

[21] Там же. — Т. 35. — С. 258.
[22] Там же. — С. 267.
[23] Там же.
[24] Там же. — Т. 53. — С. 310.
[25] *Чернышевский Н. Г.* Т. 7. — С. 431.

спира. В повести «Алферьев», написанной уже в Петропавловской крепости, «гений Шекспира и Ньютона»[26] опять расположены рядом не случайно — Чернышевский «сближал задачи науки и искусства в деле преобразования общества» [Есин, 2002, с. 186]. Он прямо писал: «Искусство... распространяет в массе читателей огромное количество сведений и, что еще важнее, знакомство с понятиями, вырабатываемыми наукою, — вот в чем заключается великое значение поэзии для жизни»[27].

Та же идея выражена в романе «Что делать?». В главе VIII («Гамлетовское испытание») Лопухов посвящает Веру Павловну в теорию разумного эгоизма и говорит о том, что «для науки не годится стихотворная форма» и «эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия в правде жизни. Почему Шекспир величайший поэт? Потому что в нем больше правды жизни, меньше обольщения, чем у других поэтов»[28].

Наконец, еще одна очень важная цитата, раскрывающая противостояние Чернышевского и Толстого в оценке Шекспира со всей очевидностью. Алферьев, герой одноименной повести, отправляясь в дальний путь, составляет перечень самых необходимых вещей: «Это был список вещей спартанца, имеющего наклонности графа Д'Орсе. Он брал с собой несколько книг, в том числе Шекспира»[29]. «Для "разночинской" биографии, — заметил С.С. Аверинцев, — достаточно списка прочитанных книг» [Аверинцев, 1987, с. 235]. О самом Чернышевском и его героях как носителях готовой, заданной, книжной истины пишет В.Я. Линков [Линков, 2002, с. 51].

Таким образом, противопоставление Толстого и Чернышевского в оценке Шекспира выглядит так: с одной стороны, Шекспир — «вопиющий больной протест» и обезличивание, с другой — Шекспир — спутник жизни. Иными словами, речь шла о выборе между религиозным вероучением и материалистическим мировоззрением, верой в науку.

Прибегая в статье о повестях Толстого к такому, по-своему провокационному редакторскому ходу, Чернышевский обеспечивал себе в любом случае сильную позицию и психологическое преимущество над оппонентом. Какой бы ни была реакция писателя на соседство с Шекспиром, она была бы выгодна главе «Современника».

Редакторская тактика Чернышевского оказалась успешной. В начале декабря 1856 г. (до выхода статьи) в письме Тургеневу Толстой пишет о том, что Чернышевский лишь повторяет истины Белинского и преподносит публике «тухлые яйца» [Гусев, 1958, с. 131].

---

[26] Там же. — Т. 12. — С. 120.

[27] Там же. — Т. 2. — С. 273.

[28] *Чернышевский Н. Г.* Что делать? — Л., 1975. — С. 422 (Лит. памятники).

[29] *Чернышевский Н. Г.* Т. 12. — С. 25.

А после выхода «Современника» в дневнике Толстого появляется запись от 18 декабря о том, что «Чернышевский мил»[30], и еще почти через месяц, после визита руководителя журнала — «...пришел Чернышевский, умен и горяч...». Кстати сказать, существенно то, что, вспоминая в конце жизни об этом разговоре с Чернышевским, Толстой иначе будет оценивать и содержание беседы с ним, и его личность, но сами редакторские намерения визитера — поучать, воспитывать автора — будут поняты писателем однозначно. Так, Толстой вспоминал, как Чернышевский настаивал на том, чтобы писатель создавал обличительные произведения, и прочел ему развернутую лекцию об искусстве [Гусев, 1957, с. 134].

Вернемся ко времени личного общения Толстого с руководителем «Современника». Тактическая победа редактора не обеспечила сближения идейных противников. Нейтрализовать наиболее сильных оппонентов и встать во главе издания — стратегическая цель, которой добивался Чернышевский. В начале 1958 г. по соглашению сторон был расторгнут действовавший около полутора лет договор между «Современником» и четырьмя ведущими авторами (Толстым, Тургеневым, Островским, Григоровичем), которые брали обязательства сотрудничать исключительно в журнале Некрасова. И Толстой покинул «Современник», что ничуть не огорчило Чернышевского.

Замечу, что сходным образом Чернышевский выстроит свою тактику общения и с Тургеневым. В отсутствие Некрасова руководитель «Современника» пишет Тургеневу письмо, в котором расхваливает своего адресата, противопоставляет его Толстому и Островскому, делая это в тот самый момент, когда была опубликована статья о Толстом[31]. Но и Тургеневу в результате той политики отрицания либерализма, которую проводил Чернышевский, придется уйти из «Современника». И в журнал придут иные авторы, преимущественно разночинцы, и принесут с собой иные песни.

Что же касается Толстого и Чернышевского, то на протяжении всей жизни каждый из них утверждал свою истину. С одной стороны, Толстой записал в дневнике 1855 г.: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»[32].

С другой стороны, в декабре 1861 г. Некрасов и Панаев были вызваны в цензурный комитет, где должны были расписаться в про-

[30] *Толстой Л. Н.* Т. 47. — С. 105.
[31] См.: *Чернышевский Н. Г.* Т. 14. — С. 332—333.
[32] *Толстой Л. Н.* Т. 47. — С. 37.

чтении следующей характеристики журнала, идейно ведомого Чернышевским: «Статьи “Современника” по-прежнему в религиозном отношении лишены всякого христианского значения, в законодательном — противоположны настоящему устройству, в философском — полны грубого материализма, в политическом — одобряют революцию, отвергают даже умеренный либерализм...» [Чернышевская, 1953, с. 229]. Как известно, в результате такой редакционной политики, осуществляемой прежде всего Чернышевским, через полгода выход «Современника» был приостановлен на восемь месяцев, а до этого глава издания успел опубликовать статью о педагогическом журнале Толстого «Ясная поляна». Она обнаружила тот оселок, на котором проверялось мировоззрение Толстого и Чернышевского, и восполнила оценку деятельности писателя — то, о чем умолчал глава «Современника» в своей первой статье и лишь вскользь намекнул в письме Некрасову 5 декабря 1856 г.

В начале 1862 г. Толстой послал на рецензию Чернышевскому первый номер своего журнала «Ясная поляна», в нем были опубликованы его педагогические воззрения. Писатель очень надеялся на поддержку своего опыта прежде всего редактором «Современника» — самого демократического журнала. Толстой написал Чернышевскому, что «журнал и все дело (народного образования. — *С.Д.*) составляют для него все»[33]. Чернышевский очень резко отозвался на программно-теоретические статьи Толстого о педагогике. Его возмутили толстовские вызывающе-полемические сомнения в том, надо ли учить народ, чему учить и как учить. Но не только это. Решительную отповедь Чернышевского вызвало допущение, по Толстому, того, что «образование, имеющее своею основою религию, т.е. Божественное откровение, в истине и законности которого никто не может сомневаться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилие в этом, но только в этом случае, законно»[34]. Пафос статьи Чернышевского был обусловлен уверенностью ее автора в том, что у издателя педагогического журнала и учителя яснополянской школы «недостаток определенных убеждений, недостаток сознания о том, что полезно и что нужно народу, что вредно для него»[35], а потому совет Толстому — получить необходимые научные знания в университете. Так закончилось противостояние двух оппонентов в середине XIX в.

В последние годы жизни, в период первой русской революции, Толстой продолжил полемику с Чернышевским. В 1906 г. он написал работу «Что же делать?», в которой революционному решению

[33] Там же. — Т. 60. — С. 416.
[34] Там же. — Т. 8. С. 8.
[35] *Чернышевский Н. Г.* Т. 10. — С. 517.

коренного русского вопроса противопоставил христианское ненасилие. В эти же годы, вспоминая Чернышевского, Толстой ставил ему в вину «самоуверенность», с которой вождь «Современника» осуждал людей, «думающих не так, как он»[36].

Как ни неожиданно это прозвучит, но в личности Толстого и Чернышевского, и даже в их убеждениях (в том, например, что литература должна выносить приговор действительности), обнаруживаются черты сходства, заслуживающие, конечно, специального анализа. В контексте данной статьи отметим только, что у обоих рационалистичность мышления парадоксальным образом сочеталась со страстным гражданским темпераментом, что в свою очередь снова неожиданно приводило к сходству позиций. Так, Чехов говорил Бунину в 1901 г. о Толстом: «Знаете, что меня особенно восхищает в нем, это его презрение к нам, писателям. Иногда он хвалит Мопассана, Куприна, Семенова (крестьянский писатель-самоучка. — *С.Д.*), меня... Почему? Потому что он смотрит на нас как на детей. Наши рассказы, повести и романы для него — детская игра, поэтому он в один мешок укладывает Мопассана с Семеновым. Другое дело Шекспир: этот уже взрослый, его раздражающий, ибо он пишет не по-толстовски...» [Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, с. 254]. Масштаб притязаний Толстого не уступал масштабу намерений Чернышевского, а в славе Толстой мог бы соперничать в конце своей жизни и с Шекспиром.

И Толстой, и Чернышевский выступали как вероучители, но вера у каждого была своя. При этом Чернышевский, виртуозно владея искусством убеждения и полемики, обнаруживал богатый арсенал приемов и средств воздействия: от маски открытого и добродушного повествователя в романе «Что делать?» до пафоса жесткого и непреклонного вождя в публицистике. Статья Чернышевского о первых произведениях Толстого, насквозь полемичная и все время требующая помнить о подтексте, свидетельствует о мастерстве владения главой «Современника» художественными средствами тактической редакционной борьбы. Вместе с тем эта рецензия, вызванная к публикации явно злободневными причинами и прагматическими целями, оказалась глубже, точнее, да просто интереснее всего, что было написано к тому времени о молодом Толстом. Воплощение оказалось богаче замысла, что говорит о несомненной незаурядности автора. Реализуя функции редактора, Чернышевский воздействовал, наставлял и — самое важное — проводил политику «одной воли»[37].

---

[36] *Толстой Л. Н.* Т. 58. — С. 59.

[37] *Чехов А. П.* Письма. Т. 11. — С. 234.

В итоге с середины 1850-х — начала 1860-х гг. мы имеем дело с журналом иной общественной и идеологической репутации, иным, нежели прежде, «Современником» после того, как в его редакцию пришел Чернышевский...

Список литературы

Аверинцев С.С. Вместо послесловия. Осип Мандельштам. Последние творческие годы // Новый мир. — 1987. — № 10.

Анненков П. В. О мысли в произведениях изящной словесности. (Заметки по поводу последних произведений г. Тургенева и ЛНТ) // Современник. — 1885. — № 1. — Отд. III.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. — М., 1957.

Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. — М., 1958.

Егоров Б. Ф. Дополнение к теме «Чернышевский и Л. Толстой» // Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. — Вып. 3. — Саратов, 1962.

Есин А. Б. «Едва ли не самое существенное из качеств...» Н. Г. Чернышевский о художественном психологизме // Литературная учеба. — 1982. — № 2.

Есин А. Б. Эстетические взгляды Чернышевского и Чехова // Есин А. Б. Литературоведение. Культурология. — М., 2002.

История русской литературы XIX в. в идеях. — М., 2002.

Линков В. Я. Смерть и власть как тайна (Н.Г. Чернышевский «Что делать?») // Линков В. Я. История русской литературы XIX века в идеях. — М., 2008.

Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... // Сост. А. С. Мелкова. — М., 1998.

Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. — Вып. 3. — М., 1934.

Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. — М., 1953.

Поступила в редакцию
03.11.2010